

ПАРИЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ И ГАЗОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: БАЛАНС РИСКОВ И ВЫГОД

УДК 551.583

С.А. Рогинко, к.э.н., Институт Европы РАН (Москва, РФ), roginko@bk.ru

В статье анализируются риски, формируемые Парижским соглашением ООН по климату для российской и мировой газовой промышленности. Исследуется аргументация инициаторов «атаки на газ», предпринятой в рамках Парижского соглашения, дается обзор действий участников этой кампании против российских газовых проектов. Особое внимание уделяется опасностям, связанным с продвижением идеи углеродного налога, включая прямую нагрузку на газовые компании и появление антирыночной форы для проектов альтернативной энергетики, приводящей к снижению глобального спроса на газ. Даются рекомендации по возможному хеджированию соответствующих рисков, в частности в связи с ситуацией выхода США из Парижского соглашения. Проанализированы требования Парижского соглашения по климату, еще не ратифицированного Российской Федерацией. Отмечаются противоречия в данных неправительственных организаций, на основе которых формировались требования, с исследованиями ряда международных экспертных организаций. Отдельно рассмотрены смена целеполагания в процессе детализации Парижского соглашения (отказ от лимита в 2° и переход на лимит в 1,5°) и углеродный налог, лоббируемый Всемирным банком. В настоящее время предполагаемая ставка «штрафа за углеродный след» варьируется от 15 до 35 долл. за 1 т CO₂-эквивалента, но существуют планы поднять ее до 500 долл. На основе данных об углеродных выбросах российских нефтегазовых корпораций автор прогнозирует потери отечественной экономики при введении углеродного налога в размере до 1 трлн долл. и предупреждает об этом основном риске ратификации Парижского соглашения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПАРИЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ, РАМОЧНАЯ КОНВЕНЦИЯ ООН ОБ ИЗМЕНЕНИИ КЛИМАТА, СЕВЕРНЫЙ ПОТОК – 2, УГЛЕРОДНЫЙ СЛЕД, ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ, АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЭНЕРГЕТИКА, СОКРАЩЕНИЕ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ, УГЛЕРОДНЫЙ НАЛОГ, НАЦИОНАЛЬНО ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ ВКЛАДЫ, НИЗКОУГЛЕРОДНОЕ РАЗВИТИЕ.

К Парижскому соглашению в рамках Конвенции ООН об изменении климата в нашей стране сложилось довольно осторожное отношение. Подписав Соглашение в мае 2016 г., Российская Федерация (РФ) не торопится с его ратификацией. На первый взгляд, такой документ не должен вызывать опасений, поскольку его основной принцип – добровольность принятия обязательств. Данные обязательства наше государство определило для себя в виде лимитов на выбросы парниковых газов к 2030 г. на уровне 70–75 % от объемов базового 1990 г. [1]. Это существенно выше нынешней эмиссии (около 58 % от базового года) и формирует значительную «подушку безопасности» для экономического роста и соответствующего увеличения выбросов. Тем самым российский топливно-

энергетический комплекс (ТЭК) может осуществлять свои функции без потенциальной угрозы возможных сокращений по взятым обязательствам.

Тем не менее ситуация с Парижским соглашением не так проста, как кажется при поверхностном ознакомлении. Во-первых, данный документ пока не разработан во всех деталях (модальности, процедуры и т. д.). Предстоящие переговоры по этим деталям предсказуемы уже сейчас. Процесс детализации еще не закончился, и ее сроки (до конца 2018 г.), определенные на 22-й Конференции ООН по изменению климата в Марракеше (Марокко) в 2016 г., с большой вероятностью могут быть перенесены. Во всяком случае, такое ощущение складывается по итогам 23-й Конференции ООН по изменению климата в Бонне

(Германия) в ноябре 2017 г. В связи с этим становится понятным стремление руководства нашей страны отложить ратификацию до полного выяснения ее предмета.

Во-вторых, сущность Парижского соглашения – это перестройка глобального миропорядка под определенные и не всеми разделяемые климатические приоритеты, а именно – сворачивание энергетических проектов с использованием ископаемого топлива. Еще в конце 2015 г. многие эксперты трактовали результаты 21-й Конференции ООН по изменению климата в Париже (Франция) как сигнал бизнесу к отказу, прежде всего, от угольной энергетики. Этот сигнал был воспринят рядом финансовых институтов: о выводе своих капиталов из угольных проектов объявили, например, Норвежский и Шведский

Roginko S.A., Candidate of Sciences (Economics), Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), roginko@bk.ru

Paris Agreement and the gas industry: risks and benefits analysis

The article deals with the risks formed by the Paris Agreement on Climate of the United Nations Organization for the Russian and global gas industry. The arguments of the initiators of the “Attack on Gas” are analyzed as well as the activities within the campaign against the Russian gas projects. Special attention is paid to the risks connected with the promotion of the carbon tax, including the direct costs for the gas companies and the unfair advantages for renewable energy projects, leading to lower global gas demand. Recommendations on possible hedging of these risks are proposed, e. g. within the current situation of USA disaffiliation with of the Paris Agreement.

The requirements of the Paris Agreement on Climate, not yet ratified by the Russian Federation, are analyzed. There are contradictions in the data of non-governmental organizations, on the basis of which the requirements were formed, with the research of a number of international expert organizations. The change in logic of the purposes in the process of detailing the Paris Agreement (refusal from the 2° limit and a new limit of 1.5°) and the carbon tax, lobbied by the World Bank are considered separately. Currently, the proposed rate of “penalty for the carbon footprint” ranges from \$ 15 to \$ 35 per ton of CO₂ equivalent, but there are plans to raise it to \$ 500. Based on data on the carbon emissions of Russian oil and gas corporations, the author predicts losses of the domestic economy with the introduction of a carbon tax of up to \$ 1 trillion and warns about this mainly risk of ratification of the Paris Agreement.

KEYWORDS: PARIS AGREEMENT, UNITED NATIONS FRAMEWORK CONVENTION ON CLIMATE CHANGE, NORD STREAM 2, CARBON FOOTPRINT, GLOBAL WARMING, ALTERNATIVE ENERGY, GREENHOUSE GAS MITIGATION, CARBON TAX, NATIONALLY DETERMINED CONTRIBUTIONS, LOW CARBON DEVELOPMENT.

пенсионные фонды и Фонд Рокфеллеров [2]. Безусловно, мотивация таких действий может быть разной, в частности нетрудно проследить заинтересованность Норвегии в сохранении своей доли в европейском потреблении газа, но на 23-й Конференции ООН по изменению климата в Бонне обнаружилось еще более жесткие позиции: под ударом оказалась не только угольная, но и газовая энергетика.

По расчетам Международного энергетического агентства, для стабилизации глобальной температуры выбросы парниковых газов в мировой энергетике должны сократиться примерно в 10 раз, в то время как в промышленности и на транспорте будет достаточно сокращения всего на 10–15%. И это при том, что в настоящее время доли всех этих секторов в общих выбросах примерно равны. Впрочем, «большая энергетика» – газовая и угольная – стала не единственной целью. В РФ основной мерой по снижению выбросов признано сокращение выбросов метана в нефтяной и газовой промышленности – почти 50% ожидаемого эффекта (рис. 1). За ним с большим отрывом идут: энергоэффективность,

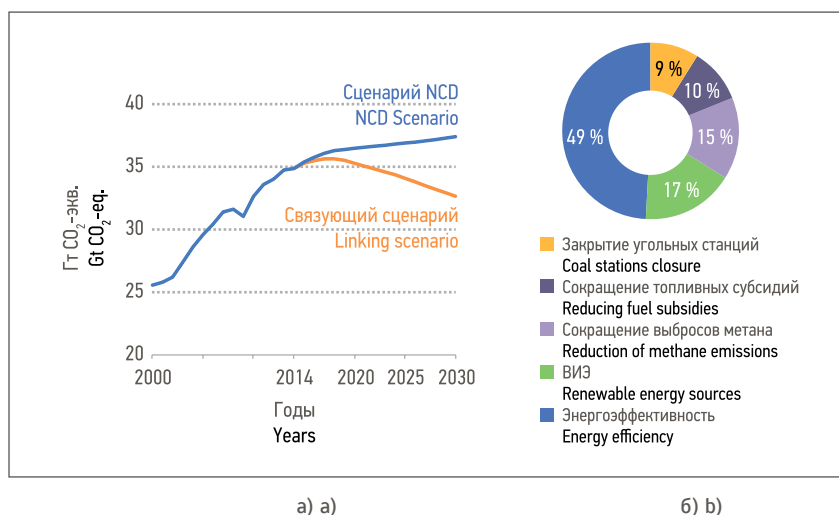

Рис. 1. Глобальные выбросы парниковых газов в мировой энергетике и вклады отдельных мер на мировом уровне в рамках «связующего сценария» Международного энергетического агентства: а) глобальные выбросы природного газа энергетического происхождения; б) вклад отдельных мер, 2030 г. [3]
Fig. 1. Global greenhouse gas emissions in the global energy sector and the contributions of selected measures at the global level in the framework of the linking scenario of the International Energy Agency: a) global emissions of natural gas of energy origin; b) contribution of individual measures, 2030 [3]

возобновляемые источники энергии (ВИЭ), отмена топливных субсидий и закрытие сочтенных неэффективными угольных тепловых электростанций (ТЭС). В этой ситуации выглядит странным то, что сокращение выбросов метана в США, в отличие от РФ, стоит на последнем месте по приоритету (примерно 7%) [3]. И это при американском буме сланцевых нефти

и газа, с неизбежным ростом метановых выбросов в атмосферу. Насколько согласятся с таким подходом ведущие российские и мировые эксперты?

НПО КАК ИНИЦИАТОРЫ ОГРАНИЧЕНИЙ

Следующим шагом, направленным непосредственно против газовой отрасли, стало проведенное

в рамках 23-й Конференции ООН по изменению климата в Бонне (ноябрь 2017 г.) мероприятие под названием «Горючий газ: путь к чистому энергетическому будущему или дорога к опасным изменениям климата?» [4], формально предполагавшее дискуссию между сторонниками разных взглядов на роль природного газа в будущем. Но дискуссии не было, поскольку организаторами выступили экологические неправительственные организации (НПО), в частности Friends of the Earth International, известные эмоциональным подходом к решению экологических проблем.

Основным на мероприятии стал доклад К. Андерсона и Дж. Бродерика [5, 6]. В начале выступления авторы сочли недостаточными обязательства Евросоюза (ЕС) по Парижскому соглашению (снижение выбросов на 40 % к 2030 г.). Если следовать принципу «климатической справедливости», то усилия европейцев должны быть как минимум пятикратно увеличены. По мнению авторов доклада, Европе осталось только девять лет использования углеводородного топлива, иначе глобальная катастрофа неминуема. В случае выбора сценария угасающего потребления к 2035 г.

Европе все равно придется сократить энергетические выбросы на 95 %. В любом из этих сценариев утверждается, что «в Европе не остается места для газа» [5]. Далее в докладе критикуется политика ЕС по переходу с угля на газ, хотя с 1990 г. потребление угля в Европе снизилось на 50 %, в то время как потребление газа выросло на 17 % [5]. За скобками авторы доклада оставляют широко известный факт: своей ролью климатического лидера планеты ЕС обязан прежде всего переводу генерации с угля на природный газ. Особенно заметен эффект этой меры в таких странах, как Германия, закрывшая за счет газа электрогенерацию на буром угле на востоке страны, и Великобри-

тания, вытеснившая «большой уголь» собственным газом. Подобная энергетическая политика позволила этим странам и ЕС в целом выполнить свои обязательства по Киотскому протоколу и создала иллюзию простоты задач по дальнейшему сокращению выбросов.

Понимание роли природного газа как простейшего способа снижения удельных выбросов парниковых газов демонстрируется в последнее время европейскими и мировыми нефтяными компаниями, наращивающими долю газовых проектов в своих инвестиционных портфелях. В частности, в докладе [5] приводятся такие факты, как рост доли газового бизнеса в компании Total в общем объеме за последние 10 лет с 33 до 48 %, а также планы компании BP по наращиванию доли газовых проектов в общих инвестициях до 75 % к 2021 г. В оценках Statoil природный газ фигурирует как средство вытеснения угля из энергетики к 2050 г.; Exxon позиционирует газ как доступный, надежный и чистый источник энергии на ближайшие 200 лет. В цитируемом авторами доклада прогнозе BP Energy Outlook [7] рост спроса на газ предсказывается на уровне 1,6 % в год до 2035 г., что вдвое превышает темпы роста спроса на нефть и уголь [5]. Тем не менее все вышеперечисленные факты критикуются авторами [5], как и планы ЕС по строительству объектов газовой инфраструктуры, в частности список Проектов общего интереса (Projects of Common Interest) ЕС содержит 77 проектов по объектам газовой промышленности, включая 12 терминалов сжиженного природного газа (СПГ) и большое число газопроводов, в том числе «Южный газовый коридор» [5].

Вероятно, обилие проектов газовой инфраструктуры ЕС вызвано не столько соображениями надежности поставок, сколько запросами на обязательную для

стран диверсификацию источников снабжения согласно недавно принятой Директиве ЕС по безопасности поставок газа. Тем же, по-видимому, объясняются и попытки некоторых стран (Польша, Румыния, Великобритания и др.) начать добычу сланцевого газа, несмотря на отмечаемые очевидные катастрофические последствия такого шага для природной среды соответствующих регионов.

Увеличение выбросов парниковых газов при использовании СПГ в Европе за счет сжижения, транспортировки и регазификации составляет, по оценкам [5], от 20 до 34 % по сравнению с трубопроводным газом. Это могло бы заинтересовать сторонников трубопроводных проектов, если бы не замечание о том, что превышение выбросов на магистральных газопроводах сопоставимо с эмиссией на терминалах СПГ: от 30 до 35 % [5].

Вместе с тем вышеприведенные цифры отличаются от результатов представлявшихся в ЕС расчетов по российским экспортным газопроводам, сделанных DBI Gas- und Umwelttechnik GmbH [8]. Данные расчеты доказывают, что превышение выбросов даже по дальним маршрутам (например, в Украину) составляет не более 25 %, не говоря уже о таком маршруте, как «Северный поток», на котором затраты на транспортировку, по последним расчетам ООО «Газпром ВНИИГАЗ», дают углеродный след не более 12 % [9]. Такое значение полностью сопоставимо с углеродным следом норвежских газопроводов, что выводит «Северный поток» за рамки обычных дальнемагистральных газопроводов, позволяя говорить о качественно новом трубопроводном решении.

Подробный анализ доклада [5] приведен не случайно, поскольку речь идет не об одиночном исследовании, а о хорошо срежиссированной «атаке на газ». Удар рассчитан прежде всего на девизиционный эффект и адресован не столько газовым компаниям

(и даже не потребителям газа), а финансовым институтам, кредитующим соответствующие проекты. Данные проекты рассчитаны на десятки лет, например «Северный поток» предполагается эксплуатировать как минимум до 2070 г. Схожие сроки бизнес-цикла и у терминалов СПГ: самому старому в Европе Барселонскому терминалу в 2018 г. исполняется 50 лет. На этом основывается неправомерное заявление о неизбежной климатической катастрофе в случае использования в Европе газа через 9–10 лет, поскольку ни один финансовый институт не рискнет профинансировать глобальный катаклизм.

За поддержку инфраструктурных газовых проектов в докладе [5] критикуются такие финансовые институты ЕС, как Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк и Европейский фонд стратегических инвестиций. Данные инвестиции составляют около нескольких млрд евро, что не так много по сравнению с затратами Европы на проекты возобновляемой энергетики, превысившие за последние 10 лет 500 млрд евро.

Атака НПО на банки, финансирующие газовые проекты, уже идет. Помимо Friends of the Earth International, активность проявляет американский The Sierra Club, составляющий «Финансовый бюллетень по ископаемому топливу» (Fossil Fuel Finance Report Card), где отслеживается активность ведущих мировых банковских структур в финансировании «экстремальных видов топлива», к которым отнесены: уголь и угольная генерация, нефтеносные пески и нефтедобыча на Арктическом шельфе. С недавних пор к списку добавлен СПГ, что представляет плохую новость для газовиков [10]. Составители бюллетеня не скрывают своей цели – давления на финансовые институты, трансформации для них климатических рисков в финансовые. Планируется и дав-

ление по линии прав человека, с использованием такого нового инструмента, как Декларация ООН о правах коренных народов [11].

РИСКИ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Главный из рисков Парижского соглашения заложен в принципе добровольности вклада каждой страны в решение глобальной проблемы климата. Индикативные национально определяемые вклады (Intended Nationally Determined Contributions, INDC) были накануне конференции опубликованы 156 странами и охватывают 95 % глобальных выбросов. При этом вопрос о том, что является вкладом, для развитых и развивающихся стран решается по-разному. Если для развитых стран вкладом являются абсолютные количественные сокращения выбросов, то развивающимся странам в этом вопросе дана свобода выбора. Под вкладом могут пониматься любые относительные сокращения при общем росте: снижение удельных выбросов на единицу ВВП, на душу населения и даже по сравнению со сценариями «обычного бизнеса» (business as usual). Последние, как правило, являются прогнозами, зачастую далекими от реальности и считающимися на базе самых высоких по выбросам сценариев. Тем самым фактически создается система «двух треков», содержательно разных, но формально объединенных общей конструкцией. Неравноценность вкладов разных типов стран очевидна и со временем станет предметом острых разногласий, но другого способа прийти к согласию не было найдено.

Если сравнивать Парижское соглашение с Киотским протоколом, видно, что в отношении развивающихся стран режим принят несколько более жесткий, а в отношении развитых стран – более мягкий. Если INDC разрабатываются и представляются по принципу «снизу вверх»,

то механизм соблюдения и принципы транспарентности в отчетности действуют «сверху вниз». Вместе с тем со временем эта «мягкая» конструкция, с добровольными обязательствами, принимаемыми «снизу вверх», может трансформироваться в жесткую структуру, диктующую странам их обязательства «сверху вниз». И от основного принципа Соглашения – добровольности принятия обязательств – не останется и следа. Данная возможность заложена в принципе «климатической справедливости», который не удалось исключить из контекста Соглашения, несмотря на усилия ряда стран (формулировка: «важность концепции «климатической справедливости» при действиях в области изменения климата»). Несмотря на кавычки, в которые поставлен этот термин, само появление его является угрозой национальному суверенитету всех стран, включая РФ, поскольку по своей природе «климатическая справедливость» рассчитана именно на то, чтобы стать основным принципом принудительного глобального распределения квот на выбросы, взамен национальных приоритетов и возможностей. Хотя строгого определения понятия «климатической справедливости» в тексте Соглашения нет, есть основания полагать, что это сделано не случайно.

Понимание «климатической справедливости» развивающимися странами хорошо известно сторонам переговоров, поскольку оно открыто озвучивалось на предыдущих конференциях сторон Рамочной конвенции об изменении климата (РКИК) ООН, в частности в 2008 г. (Познань, Польша), в 2009 г. (Копенгаген, Дания) и др., и сводилось к равным правам на выброс парниковых газов для каждого жителя планеты. По этой логике предполагается сделать общие выбросы парниковых газов на планете предметом «углеродного бюджетирования», т. е. распределять права на них странам

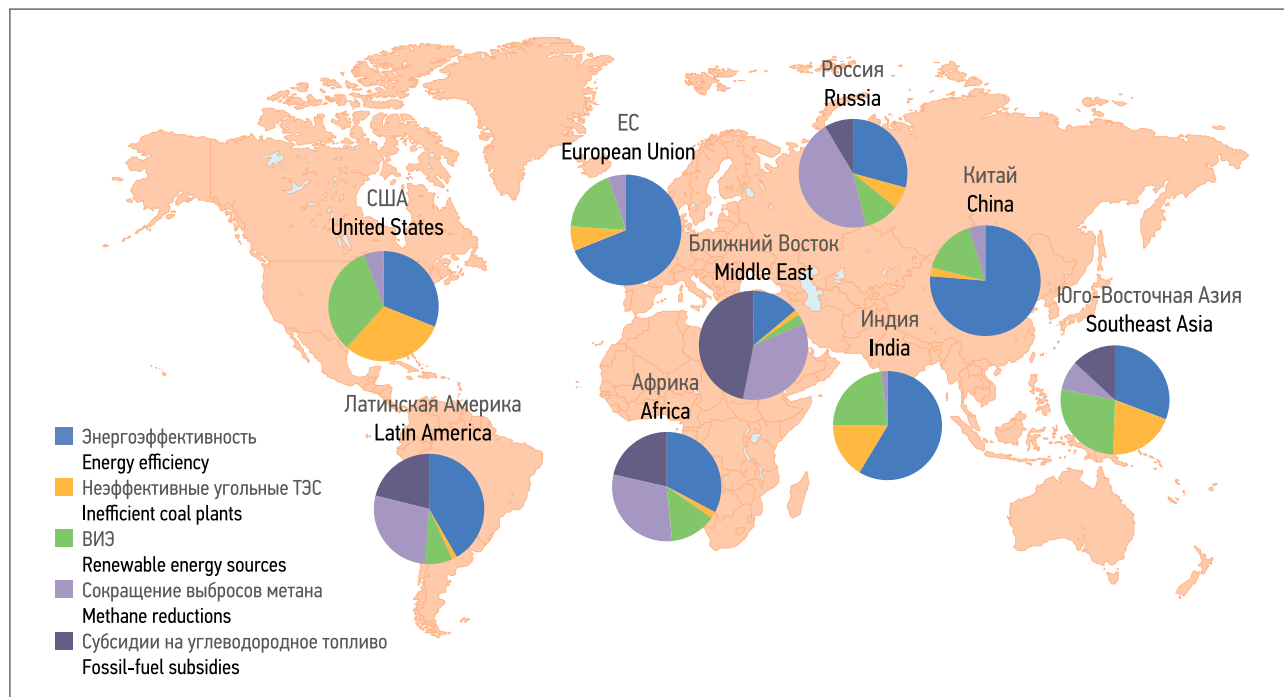

Рис. 2. «Связующий сценарий» Международного энергетического агентства по сокращению выбросов парниковых газов в рамках NDC и состав мер по достижению этих целей в ведущих странах и регионах мира к 2030 г. [3]
Fig. 2. “Linking scenario” of the International Energy Agency to reduce greenhouse gas emissions within the NDC and the measures to achieve these goals in leading countries and regions of the world to 2030 [3]

в соответствии с количеством населения в каждой из них. В этой ситуации главными бенефициарами «углеродного бюджета» окажутся Китай и Индия, «квоты» которых на выбросы существенно вырастут, а для РФ могут сократиться в несколько раз, что неприемлемо для нашей экономики.

Частично исправить положение можно, опираясь на заложенный в Соглашении принцип учета «различных национальных обстоятельств» при выполнении обязательств по климату, но, чтобы доказать необходимость применения этого принципа для нашей страны, потребуются немало усилий на сложных по формату климатических переговорах. В частности, показателен пример российских лесов, адекватной оценки поглощающего потенциала которых наша делегация не может добиться более 15 лет.

Отдельные опасения для РФ связаны с таким принципом формирования обязательств в рамках Парижского соглашения, как принцип постоянного

«повышения амбиций». Для этого предусмотрены пятилетние циклы разработки, представления и реализации NDC. Каждый такой «пятилетний план», предоставляемый страной, должен быть по своему содержанию амбициознее предыдущего с точки зрения поставленных задач и предусмотренных мер. Еще одной мерой «повышения амбициозности» является глобальная инвентаризация предпринимаемых усилий (global stocktake) как на уровне отдельных стран, так и на уровне всего мирового сообщества, в целях определения соответствия этих мер траектории, необходимой для решения общей задачи, обозначенной в Парижском соглашении: сдерживание повышения глобальной температуры в пределах «значительно ниже 2°» по сравнению с доиндустриальным периодом (точная формулировка цели: «сдержать повышение глобальной температуры в пределах значительно ниже 2° по сравнению с доиндустриальным уровнем и прилагать усилия

к ограничению температуры в пределах 1,5°»).

В данном случае речь идет фактически о подгонке национальных обязательств под цель в 2° удержания глобальной температуры (при том что на 1,1° она уже повысилась). Подобная инвентаризация предусматривается также один раз в пять лет начиная с 2023 г., но на последних Боннских переговорах ООН по климату сроки были смещены – начало процесса намечено на 2018 г. Для отслеживания прогресса в этом вопросе Соглашением предусматривается система отчетности, построенная на прозрачности, являющаяся так же юридически обязательной для стран, как и необходимость разрабатывать, представлять и выполнять свои NDC.

В связи с этим для РФ возникает целая линейка рисков.

Риск невыполнения обязательств, взятых в рамках российского NDC, на период до 2030 г. Наши обязательства создают экономике определенный запас прочности, который в случае се-

рьезного роста реального сектора экономики (например, по сценарию начала 2000-х) может быть быстро исчерпан. В последние годы экономика РФ демонстрирует decoupling-эффект, т. е. прекращается прямая зависимость динамики выбросов парниковых газов от динамики развития экономики, но определенная корреляция между этими показателями все же сохраняется, особенно в реальном секторе.

Риски невыполнения обязательств РФ в последующие периоды достаточно велики, особенно в случае «повышения амбициозности» российских обязательств, например на 5 % каждый период. В этом случае умеренный рост экономики неизбежно выводит наши национальные выбросы за пределы допустимых в рамках повышенных обязательств. Более того, даже стагнация экономики не уберезет РФ от дефолта по этим обязательствам.

Риски принятия принудительно навязываемых обязательств по итогам global stocktake, предполагающей достижение адекватности целям Парижского соглашения в виде стабилизации глобальной температуры на уровне 2° выше доиндустриального периода. По расчетам, одобренным на 23-й Конференции ООН по изменению климата, состоявшейся в Бонне, выход на эти показатели потребует снижения глобальных выбросов как минимум в 1,5 раза (до 40 млрд т CO₂-эквивалента по сравнению с 60 млрд т совокупных выбросов стран, заявленных в NDC к 2030 г.) [12]. Пропорциональное распределение такой задачи на РФ может вызвать коллапс российской экономики – от нас потребуются сокращения до 46–50 %, с соответствующим закрытием предприятий, ТЭЦ и непредсказуемыми социально-экономическими последствиями.

Последний тренд, обозначившийся на Боннской конференции, – борьба ряда стран и эколо-

гических НПО за смену глобальной цели: отказ от лимита в 2° и переход на лимит в 1,5° (т. е. лимит повышения на 0,4° по сравнению с нынешней температурой). Цель еще более спорная с точки зрения исторического опыта, чем 2°, но ее появление не случайно, а назначение сугубо утилитарное. Прослеживается стремление манипулировать мнением общественности, побуждая к немедленным действиям по принципу «беда у порога». Таким образом отсекаются любые попытки предпринять взвешенный анализ проблемы и выйти на рационально продуманный образ действий.

С подобным подходом человечество уже столкнулось на предыдущей климатической цели – ограничении содержания CO₂ в атмосфере. Совсем недавно главным репером глобального потепления считался его уровень в 400 ppm; после превышения этого уровня была обещана климатическая катастрофа, точно так же, как сейчас при превышении 2°. Этот уровень был по той же схеме подогнан к уже достигнутой концентрации CO₂, с тем же жестким императивом немедленных действий. В итоге в 2014 г. критический уровень был по факту достигнут (реальный нынешний показатель – 410 ppm), и ничего сверхъестественного на планете не произошло. Предвидя скандал, разработчики предыдущего катастрофического сценария подготовили замену: к саммиту G-8 в Хайлигендамме (Германия) в 2008 г. была выдвинута цель «2°». Она была разрекламирована столь масштабно, что про концентрацию CO₂ в атмосфере все забыли, переключившись на новую иллюзию. Теперь, спустя девять лет, с той же привычной аргументацией готовится очередная смена репера.

При всей спорности этих показателей под них уже планируется перестройка формата Парижского соглашения: о какой добровольности принятия странами обяза-

тельств может идти речь, когда до катастрофы остается несколько лет? А при подгонке под цель в 1,5° от стран потребуют «ужаться» даже не на 33 % по отношению к принятым обязательствам (как для цели в 2°), а, согласно предварительным подсчетам, на все 66 %. Для РФ планка в 1,5° требует снизить выбросы до уровня 23–25 % от 1990 г., но такой вариант несовместим с экономическим развитием страны.

Описанная выше ситуация предполагает оптимистический сценарий «линейного» сокращения выбросов всеми странами планеты. Практически он неосуществим, поскольку по Парижскому соглашению у развивающихся стран (в том числе Китая) обязательств по абсолютному сокращению выбросов нет. Если учесть, что именно на эти страны сейчас приходится примерно две трети мировых выбросов, требование снизить эмиссию на 20 млрд т под задачу лимита в 2° означает для развитых стран, включая РФ, полное прекращение выбросов парниковых газов.

В связи с этим риск ратификации Парижского соглашения для РФ заключается не только в соблюдении обязательств, но и в том, кем и как это соблюдение будет оцениваться. Соглашением предусмотрен механизм оценки соблюдения, в основе которого – комитет, составленный из независимых экспертов. Его работа будет определяться процедурами и модальностями, которые будут приняты на первой Конференции Сторон РКИК, служащей Сопровождающим Парижского соглашения. Несмотря на заявленный ненаказуемый способ действия, основанный на учете национальных обстоятельств Сторон, такой формат не гарантирует беспристрастных оценок и создает нишу для произвольных толкований национальных усилий. Особенно это актуально для РФ, опыт оценки которой различными группами независимых экспертов

в различных областях (от спорта до национальных экономических рейтингов), за редчайшими исключениями, является негативным. В связи с этим гарантий, что вместо адекватной оценки своих действий в рамках Парижского соглашения РФ не получит очередные репутационные потери, например статус «климатического преступника» (термин, используемый Greenpeace), не существует.

УГЛЕРОДНЫЙ НАЛОГ

В п. 137 Решений Парижской конференции [13] упоминается «роль стимулирования деятельности по сокращению выбросов, включая... установление цены на углерод». Этот пункт входит в раздел V («Заинтересованные круги, не являющиеся Сторонами») и не имеет отношения к обязательствам участников Соглашения. В текст Соглашения этот пункт не вошел, несмотря на активное лоббирование. Формально продвигаемая Всемирным банком идея «углеродной цены» (цены выбросов парниковых газов) связана с международным финансовым капиталом, рассматривающим ее не только как источник доходов, но и как механизм глобального управления экономикой. При этом Всемирный банк настолько увлечен этой идеей, что свои ежегодные обзоры по теме «Состояние углеродного рынка» уже не первый год именуется «Состояние и тренды углеродной цены» [14]. Существующие в мире системы торговли выбросов также называются «системами углеродного ценообразования».

«Углеродную цену» предлагается ввести принудительно, в виде стандартной ставки и в глобальном масштабе. Сначала – на уровне 15 долл. за 1 т CO₂-эквивалента, потом предлагается поднять до 35 долл. Как такое возможно в рыночной экономике, где цена все время колеблется в зависимости от спроса и предложения, эксперты Всемирного банка не объясняют.

В рыночной экономике фиксированные платежи по стандартным ставкам представляют собой не что иное, как налог. Введение глобальной цены на углерод будет означать только одно: дополнительную финансовую нагрузку на все предприятия реального сектора.

Ставка для РФ в 15 долл. за 1 т CO₂-эквивалента – это ежегодные платежи в 31,5 млрд долл., т. е. около 2 трлн руб. Ставка в 35 долл. – 73,5 млрд долл./год (4,4 трлн руб.). Такая нагрузка для нашей экономики весьма чувствительна. Для ПАО «Газпром», например, платежи составят (по разным ставкам) от 1,5 до 3,5 млрд долл./год, для «Интер РАО ЕЭС» и ООО «Газпром энергохолдинг» – 1,1–2,6 млрд долл./год, и это далеко не предел. Потери могут многократно вырасти, если в ходе переговоров сторонникам идеи налога удастся включить его в формат Парижского соглашения в процессе его детализации.

На 22-й Конференции ООН по изменению климата в Марракеше высказывались предложения о ставках налога в 300–500 долл. за 1 т CO₂-эквивалента. Ставка обосновывалась тем ущербом, который глобальное потепление наносит Земле и человечеству (и который определяется на основе произвольных оценок). Тем самым риски убытков РФ возрастают до 700 млрд – 1 трлн долл./год.

Углеродный налог опасен не только своим размером. Одним из косвенных эффектов станет угроза международному бизнесу российского ТЭК. Введение налога даст огромную несправедливую фору до сих пор убыточным проектам возобновляемой энергии, выводя их в разряд прибыльных. Этот новый канал субсидирования ВИЭ позволит в Европе и Азии перейти к массовой замене газовых ТЭЦ на ВИЭ, а также к отказу от других видов углеродородного топлива. Под ударами сразу окажутся экспортные доходы гигантов российского ТЭК – ПАО «Газпром», ПАО «ЛУКОЙЛ»,

ПАО «НК «Роснефть», СУЭК и др. Снизится и экспорт электроэнергии из РФ, пока успешно ведущийся ПАО «Интер РАО».

Воздействие углеродного налога также испытает на себе национальный бюджет, зависящий от экспорта энергоносителей. Неизбежны для РФ и чувствительные потери в области таких мегапроектов, как «Северный поток – 2», «Сила Сибири», «Турецкий поток», проект экспорта электроэнергии в Японию и др., поскольку достаточно перспективы введения углеродного налога, чтобы снизить интерес к данным проектам у европейских и азиатских партнеров.

В связи с этим неизбежны сокращения в отраслях ТЭК и смежных сферах экономики, например в ОАО «РЖД», поскольку на уголь приходится около 40 % грузооборота железных дорог РФ. Подобное мнение разделяют представители топливно-энергетических корпораций, солидарную с ними позицию высказывают члены Российского союза промышленников и предпринимателей и ряд экспертов, призывающие изучить позицию Администрации США, которая приняла решение выйти из Парижского соглашения. Стоит вспомнить об экологически политизированной Австралии, проверившей углеродный налог на своей промышленности и отменившей его в 2010 г. В Австралии убедились, что он не приносит ничего, кроме убытков.

Отдельным вопросом для лоббистов станет использование полученных денежных средств. При ставках в 15–35 долл. за 1 т в глобальном масштабе потенциальные поступления составят от 600 млрд до 1,4 трлн долл./год. Пока что использовать их собираются для финансирования проектов по климатической тематике, создав для этого специальный фонд, оператором которого, вероятно, выступит Всемирный банк, управляющий остальными «климатическими» фондами, действующими под эгидой ООН.

Это принесет ему законный доход в размере 10 % от объема управляемых средств, т. е. от 60 до 140 млрд долл/год.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании всестороннего анализа существующих материалов Парижского соглашения по климату и динамики их изменения в аспекте возможных рисков для стран-участников можно сделать следующие выводы.

Исследования экспертных групп, лежащие в основе материалов Соглашения, игнорируют альтернативные точки зрения представителей научного сообщества и грешат сознательной подтасовкой фактов в политических интересах.

Смена целеполагания в процессе детализации Парижского соглашения (отказ от лимита в 2° и переход на лимит в 1,5°) свидетельствует о слабой связи

данного документа с реалиями мировой экономики, что ставит под вопрос жизнеспособность этой конструкции.

Углеродный налог, вводимый в рамках Соглашения, ставит под удар экономику стран-участников, причем делает это выборочно. Пример США, вышедших из Парижского соглашения, служит предупреждением РФ о том, что ситуация с налогом автоматически не исправится. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический доклад «Риски реализации Парижского климатического соглашения для экономики и национальной безопасности России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/content/9605/ipem-pa-report-pdf.pdf> (дата обращения: 03.08.2018).
2. Рогинко С.А. Семь цифр из Парижа. Конференция ООН по климату намечает стратегию глобальных усилий // Эксперт Online. 2015. № 51 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/51/sem-tsifr-iz-parizha/> (дата обращения: 03.08.2018).
3. Energy Pathways to a Low-Carbon Future [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mail.google.com/mail/u/0/#inbox/165188e239d5c56c?projector=1&messagePartId=0.1> (дата обращения: 03.08.2018).
4. COP23: Climate Justice Events [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://medium.com/@DemandClimateJustice/cop23-climate-justice-events-96bc65944c3> (дата обращения: 03.08.2018).
5. Anderson K., Broderick J. Natural Gas and Climate Change. University of Manchester, 2017. 58 p.
6. Can the Climate Afford Europe's Gas Addiction? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.foeeurope.org/sites/default/files/extractive_industries/2017/can_the_climate_afford_europes_gas_addiction_report_november2017.pdf (дата обращения: 03.08.2018).
7. BP Energy Outlook 2017 Edition [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2017/bp-energy-outlook-2017.pdf> (дата обращения: 03.08.2018).
8. Исследования DBI разведали миф об «углеродном следе» природного газа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazo.ru/news/4101/> (дата обращения: 03.08.2018).
9. Аксютин О.Е., Ишков А.Г., Романов К.В. и др. Экологическая эффективность производства и использования природного газа на основе оценки полного жизненного цикла // Научно-технический сборник «Вести газовой науки». 2017. № 5. С. 3–11.
10. Fossil Fuel Finance Report Card 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.banktrack.org/download/banking_on_climate_change_4_page_summary/banking_on_climate_change_summary_version.pdf (дата обращения: 03.08.2018).
11. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights (дата обращения: 03.08.2018).
12. Rose S.K., Richels R., Blanford G., Rutherford T. The Paris Agreement and Next Steps in Limiting Global Warming // Climatic Change. 2017. Vol. 142. P. 255–270.
13. Adoption of the Paris Agreement [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf> (дата обращения: 03.08.2018).
14. State and Trends of Carbon Pricing 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ecofys.com/files/files/world-bank-ecofys-vivid-2017-state-and-trends-of-carbon-pricing.pdf> (дата обращения: 03.08.2018).

REFERENCES

1. Analytical Report "Risks of the Implementation of the Paris Climate Agreement for the Economy and National Security of Russia" [Electronic source]. Access mode: <http://ac.gov.ru/files/content/9605/ipem-pa-report-pdf.pdf> (access date: August 3, 2018). (In Russian)
2. Roginko S.A. Seven Figures from Paris. The UN Climate Conference Outlines a Strategy for Global Efforts // Expert Online, 2015, No. 51 [Electronic source]. Access mode: <http://expert.ru/expert/2015/51/sem-tsifr-iz-parizha/> (access date: August 3, 2018). (In Russian)
3. Energy Pathways to a Low-Carbon Future [Electronic source]. Access mode: <https://mail.google.com/mail/u/0/#inbox/165188e239d5c56c?projector=1&messagePartId=0.1> (access date: August 3, 2018).
4. COP23: Climate Justice Events [Electronic source]. Access mode: <https://medium.com/@DemandClimateJustice/cop23-climate-justice-events-96bc65944c3> (access date: August 3, 2018).
5. Anderson K., Broderick J. Natural Gas and Climate Change. University of Manchester, 2017. 58 p.
6. Can the Climate Afford Europe's Gas Addiction? [Electronic source]. Access mode: http://www.foeeurope.org/sites/default/files/extractive_industries/2017/can_the_climate_afford_europes_gas_addiction_report_november2017.pdf (access date: August 3, 2018).
7. BP Energy Outlook 2017 Edition [Electronic source]. Access mode: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2017/bp-energy-outlook-2017.pdf> (access date: August 3, 2018).
8. DBI Studies Exploded the Myth of the "Carbon Footprint" of Natural Gas [Electronic source]. Access mode: <http://www.gazo.ru/news/4101/> (access date: August 3, 2018). (In Russian)
9. Aksyutin O.E., Ishkov A.G., Romanov K.V., et al. Ecological Efficiency of Production and Application of Natural Gas on the Basis of Its Full Life Cycle Estimation. Nauchno-tehnicheskii sbornik "Vesti gazovoy nauki" = Scientific and Technical Collection "News of Gas Science", 2017, No. 5, P. 3–11 (In Russian)
10. Fossil Fuel Finance Report Card 2017 [Electronic source]. Access mode: https://www.banktrack.org/download/banking_on_climate_change_4_page_summary/banking_on_climate_change_summary_version.pdf (access date: August 3, 2018).
11. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples [Electronic source]. Access mode: http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/DRIPS_en.pdf (access date: August 3, 2018).
12. Rose S.K., Richels R., Blanford G., Rutherford T. The Paris Agreement and Next Steps in Limiting Global Warming. Climatic Change, 2017, Vol. 142, P. 255–270.
13. Adoption of the Paris Agreement [Electronic source]. Access mode: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf> (access date: August 3, 2018).
14. State and Trends of Carbon Pricing 2017 [Electronic source]. Access mode: <https://www.ecofys.com/files/files/world-bank-ecofys-vivid-2017-state-and-trends-of-carbon-pricing.pdf> (access date: August 3, 2018).